

УДК 947+908
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15

Ю. З. КАНТОР

Институт всеобщей истории РАН,
г. Москва

«ИСТОРИЮ НЕВОЗМОЖНО ПЕРЕПИСАТЬ, ЕЁ МОЖНО ДОПИСАТЬ...»

Юлия Зораховна Кантор — петербургский историк, доктор исторических наук, музеолог, известный специалист по истории международных отношений межвоенного периода, автор наиболее полной и известной биографии красного маршала М. Н. Тухачевского. Интервью Ю. З. Кантор было дано члену редколлегии журнала Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность» Д. И. Петину 13 августа 2018 г. в Омске, в Центре изучения истории Гражданской войны. Оно посвящено широкому спектру актуальных проблем истории России: освоению Арктики и музейному делу, международным отношениям накануне Второй мировой войны, Гражданской войне в России, личностям М. Н. Тухачевского и А. В. Колчака. Интервью было окончательно отредактировано Ю. З. Кантор в Санкт-Петербурге в декабре 2018 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России, белая Сибирь, Омск, А. В. Колчак, М. Н. Тухачевский, архивы, музеи.

— Юлия Зораховна, Вы в Омске будете открывать проект, посвященный освоению Арктики, созданный при поддержке «Норникеля» сотрудниками ОМИИ им. М. А. Врубеля и Историческим архивом Омской области. Расскажите о проекте подробнее.

— Проект освоения Севера «1000 лет успеха», так он называется, придуман компанией «Норникель». «Норникель» пригласил меня два года назад,

с тем чтобы придумать авторский проект, связанный с историей освоения Севера, — так была сформулирована задача руководства компании. Принципиальный нюанс: это не спонсорский проект, хотя всю материальную часть и обеспечивает компания «Норильский никель», — это авторский проект, его стратегия разработана мною и моими коллегами из компании. Он охватывает значительную часть северных территорий России, Российской Федерации от Кольского полуострова до Таймыра и в проекте участвуют девять огромных регионов нашей страны от Красноярского края (в территорию которого можно вписать несколько раз Европу) до Мурманской области. В нем задействованы не только музеи, хотя главная опора и выставочная часть проекта — безусловно, музеи. Причем важно подчеркнуть, что это музеи не только краеведческого и исторического характера, но и художественные музеи, в случае с вашим регионом этот как раз Омский музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Для меня как для историка было обязательным включить в проект не только музеи, но и архивы, научные учреждения, университеты и библиотеки.

В названии проекта внушительное число — тысяча — отнюдь не метафора. Дело в том, что история освоения Севера, начатая 1000 лет назад, в XI веке, новгородцами, развивалась как освоение новых территорий свободными людьми. Новгородцы были людьми республиканского склада, первая республика на территории России, тогда — Новгородского княжества. И дальше, дальше путь на Север новгородцев веером расширился, развивался и дошел до Сибири. Это же абсолютно уникаль-

ная, как ни парадоксально покажется, не вполне детально изученная история, в том и интерес. И наш проект начался в 2017 году, конечно, Великим Новгородом и выставка называлась «Путь на Север. Истоки».

Далее эстафету перехватила Москва. Это, конечно, не северный город, но все-таки столица государства и в период, когда Москва была столицей, очень много интересных северных проектов, развивалось именно в гуманитарной сфере. В Москве главной темой стала история картографии: «Карты земель русского Севера: реальность и мифы». Потом, конечно, Петербург. С Петровского времени начинается научное, наукоемкое и промышленное освоение Севера, уже осознанное как государственная стратегия. Об этом можно говорить с начала XVIII века. Третья выставка прошла в Санкт-Петербурге, в Музее истории города, и называлась «Образы Севера» — рефлексия художественная, декоративная, прикладная. Наконец, Север как бренд, за три столетия ничуть не померкший.

Четвертая выставка — Выборг, Выборгский замок. Это трудная пограничная история карело-финская, русско-финская и т.д. Мы хотели сделать ее с выборгскими коллегами, но готовили экспозицию и другие музеи Ленинградской области. Она наглядно показала, что история неделима. Территория делится границами, границы эти могут меняться, и на истории Выборга это хорошо видно, но культуру не начинается с нуля. Нельзя отсечь одну культуру от другой, когда меняется граница, и вот об этом, о «Калевальских историях» (и о других) рассказывала выставка.

Затем мы перешли к Омску. Надо сказать, что мы очень благодарны омичам, и музеем им. М. А. Врубеля в первую очередь. Они сделали выставку амбивалентную, собрав в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля все узловые, болевые точки истории XX века в Арктике. И не только в Арктике, но от юга Сибири. Парадокс в том, что проект про Север, а Омск — самый южный город. Это верное наблюдение Фариды Буреевой, директора Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Но при этом в экспозиции охвачены огромные исторические пласты и художественная рефлексия на историю Севера в XX веке [1].

Хорошо, что омичи привлекли салехардских коллег из Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шимановского; там совершенно изумительная археология, очень интересная, которая показывает северную специфику. Очень важно, что не забыта дореволюционная экспедиция Колчака, поиски экспедиции барона Толля. Омск и Колчак — это важная знаковая вещь. Но это не стало доминантой выставки: ведь мы хотели показать картину всего XX века. На выставке представлена Великая Отечественная война в Заполярье. В настоящее время это отнюдь не самая известная страница истории Второй мировой. Есть история политических репрессий: музей логично вплел в тематическую канву выставки внимание на стройки ГУЛАГа, включая мрачно известную «Мертвую дорогу» — Салехард — Игарка — Надым. На выставке в числе многих экспонатов показали колючую проволоку, тряпичную маску от мороза, которую мастерили себе сами заключенные, их поделки... Эти метафоры очень важны! Они органичны и в них нет искусственно-пафосного надрыва, но есть то самое историческое

сплетение судеб, которое важно для понимания исторического контекста. Ну и, безусловно, ярко показана рефлексия художников, вдохновлявшихся Севером, его промышленно-урбанистическими трансформациями второй половины прошлого века... Эстафету у Омска примет Пермская художественная галерея, там будет выставка «Север как предчувствие. Пермский путь». (Выставка открылась в ноябре 2018 г. — Ред.)

— Вы, как музеолог, много взаимодействуете с различными музейными учреждениями страны. Каковы перспективы развития этой сферы в нашей стране, на Ваш взгляд?

— С музеями связана значительная часть моей жизни. Сочетание академической науки с музейной сферой на самом деле очень органично. Мне кажется, что разобщенность во многом связана с ложным, но стойким стереотипом: дескать, академическая наука практически не имеет «прикладного» значения и самодостаточна, а музеи являются хранителями артефактов, но не центрами исследования истории. Но это совершенно не так: наука в музее живет не только в сфере реставрации, но и атрибуции, наконец, для реконструкции исторических сюжетов, наука для музея — это такая же первостепенная вещь, как выставочная деятельность. Ни одну серьезную выставку вы не сможете сделать без научного подхода. Более того, никакая серьезная выставка — художественная ли, монографическая ли, комплексная или декоративно-прикладная, какая угодно, невозможна без контактов с архивами, библиотеками, научной средой, научными консультантами и не только из музейной среды. Именно музеи дают большинству неравнодушных людей возможность изучать, интересоваться собственно историей или историей культуры (тут нет водораздела).

— У Вас недавно вышла новая книга по истории музейного дела в нашей стране. Расскажите, пожалуйста, о ней.

Книга называется так: «Невидимый фронт. Музеи России 1941–1945» [2]. Речь в ней идет только о музеях РСФСР (имевших как региональный, так и республиканский и союзный статус). Книга посвящена судьбе музеев на оккупированной территории, в тылу (Урал, Сибирь и др.), на освобожденной от оккупантов территории; отдельная глава посвящена блокадному Ленинграду. Есть и глава о восстановлении музеев, взаимодействии музейщиков из разных регионов нашей страны. И раздел, посвященный возвращению, послевоенному поиску музейных ценностей также включен в монографию. Почему я назвала книгу «Невидимый фронт...»? Потому что музейщики всегда находились на передовой, защищая культурное достояние, сохраняя его, восстанавливая. Но их тихий подвиг не был по достоинству оценен.

Есть важный вопрос: почему огромное количество художественных ценностей не эвакуировали вообще? Или не были проложены логистические траектории вывоза? К сожалению, история музейного дела и эвакуация музейных ценностей доказывает неготовность нашего государства, в том числе Наркомпроса, к реалиям войны. Не только из-за того, что нападение было внезапным (а внезапным оно оказалось еще потому, что высшее руководство

отказывалось доверять донесениям собственной же разведки), но и в отсутствии реальных эвакуационных планов, для музеев и иных учреждений культуры: документы красноречивы. Например, я выявила синхронные документы, присланные из двух приграничных регионов, расположенных в разных концах страны, — с Дальнего Востока и из Ленинграда. Музейщики в 1939 г. отлично понимали, к чему все идет, и просили Наркомпрос увеличить утвержденные в 1936 г. планы «разгрузки музеев» на случай войны. Ответ был отрицательный. Высшее руководство СССР, подписавшее пакт Молотова – Риббентропа уповало на то, что войны не будет, а музейщики осознавали, что она неизбежна. И в результате, к 1941 г. планы эвакуации (разгрузки) музейных ценностей остались прежними, мизерными... И только колоссальными усилиями музейщиков, иногда действовавших вопреки указаниям «сверху», удалось спасти гораздо больше, иначе было бы уничтожено еще больше при наступлении нацистов.

— **Юлия, Вы хорошо знакомы с деятельностью Центра изучения истории Гражданской войны¹, действующего на базе Исторического архива Омской области [3; 4, с. 9–10; 5, с. 251–253; 6, с. 46–47]. В Омске, тем не менее, озвучивались мнения о закрытии Центра или трансформации его из выставочной и научной площадки архивистов в филиал краеведческого музея. Каково Ваше мнение по данному вопросу?**

— Такие «инновации» могут предлагать не просто дилетанты, а люди, стремящиеся монополизировать к историческому знанию для огромного количества людей не только из Омского региона, но и со всей страны. Центр прекрасно известен за пределами Омска, Сибири. Он известен и в Москве, и в Петербурге, на юге России как абсолютно уникальная площадка: исследовательская, выставочная и мемориальная. Центр, располагающийся в здании-памятнике (и в архитектурном, и в историческом смысле) дает возможность в выставочном и научном контексте рассмотреть сложный период нашей истории. Причем рассмотреть абсолютно объективно, показывая обе противоборствующие стороны: и белых, и красных. Это мы видим на постоянной экспозиции Центра, и на его сменных выставках. Очень важно, что сотрудники Центра активно занимаются научной и популяризаторской работой. Такая площадка сближает музеи, архивы и научную общественность — это очень важная гуманитарная заслуга архивной службы Омского региона. И говорить о какой-то трансформации, создании из Центра какого-то филиала или отдела краеведческого музея — как минимум непрофессионально.

— **Вы являетесь соавтором книги к нашумевшему 10 лет назад фильму «Адмирал», вызвавшему неоднозначную реакцию современного общества. При этом я согласен с авторами книги в том, что кадры, где священник после боя отпевает вместе погибших белых и красных — сильный эпизод и именно они должны быть фабулой фильма о Гражданской войне в России — национальной трагедии нашего народа [7, с. 102]. Однако, на мой взгляд, этого у создателей фильма, в целом, не получилось. В фильме однобоко, с перекосом в пользу белых, показаны события Гражданской войны в России. Плюс как омича, честно говоря, меня**

«задело» то, что съемочная группа не работала в Омске. Если можно, прокомментируйте мою критику.

— Конечно, то, что в Омске, в буквальном смысле помнящем ту историю, не было съемок, — абсурд. Что касается «перекосов», то фильм ведь художественный, а не документальный, потому авторы имеют право на свое видение, свои трактовки. Грубых, «меняющих» знак реальных исторических событий, в фильме все же практически нет. Что до книги, то ее задача и была именно в том, что исторично, документально рассказать то, что осталось за кадром, то, что было на самом деле, расширить знание зрителя, который хочет погрузиться в историю. Поэтому я согласилась, пригласив к соавторству весьма уважаемых коллег. Без них книга бы не получилась. Мои коллеги были тогдашний директор Российского государственного архива Военно-Морского флота, капитан I ранга Сергей Чернявский (кандидат исторических наук, он сейчас возглавляет Российский государственный исторический архив) и подполковник Александр Дыдыкин, заведующий отделом «Главный Штаб» Государственного Эрмитажа. Поэтому, если вы прочтете 30 с лишним новелл этой книги, посвященных сюжетам «Адмирала», то вы увидите, что там очень много именно исторического материала, иногда абсолютно не сочетающегося с контекстом фильма. Это было сделано принципиально. И очень хорошо, что издательство «Амфора», собственно «придумавшее» книгу, пошло на это. Мы восстанавливали исторический контекст, и это как раз должно было помочь тем, кто реально интересуется историей, а не художественным вымыслом.

Хотя, еще раз хочу подчеркнуть, мне часто задают этот вопрос: «Считаете ли Вы, что фильм про исторических персонажей должен в точности соответствовать исторической реальности?» Нет. Мы же не будем Александра Дюма воспринимать как исторический источник. Как литературу можем, как какие-то «реконструкции», воссоздающие исторический контекст или ауру времени — да. Что касается, опять же, Вашей критики... Вы знаете, я далека от идеализации экранного Колчака, но и от демонизации тоже. Мне интересен этот исторический персонаж. В последнюю очередь — как замечательный, смелый и успешный полярный исследователь. В Российском государственном архиве Военно-Морского флота, кстати, большой фонд Колчака, там интереснейшие документы, в том числе и по его полярной стезе (его открытия были отмечены и академическими наградами). Сожалею, что эта сфера его деятельности была под спудом в советское время по идеологическим причинам, а теперь — в тени из-за гипертрофированного и во много конъюнктурно-идеалистического интереса к нему как к «Верховному правителю».

— **Насколько в историко-культурном пространстве Омска достаточно и адекватно представлена память о Гражданской войне? Нужен ли в Омске памятник адмиралу А. В. Колчаку?**

— Насчет адекватности — затрудняюсь ответить, у меня нет достаточной информации для анализа. Могу лишь сказать, что мне импонирует, что названия улиц у вас даны в «двойном» варианте — историческое название и переименованное, равно как мне нравится, что есть таблички, рассказываю-

щие о «бытовании» зданий в период Гражданской войны — какое министерство или ведомство там находилось. Вот это отличная идея. Насчет памятника Колчаку: думаю, что он не нужен. Собственно, памятник уже есть — дом, где была его резиденция, ныне Центр изучения истории Гражданской войны. Памятник — это ведь память. Так вот память представлена здесь. А монумент — к чему это? К возвеличиванию? Не стоит. Мемориальная доска на доме, где он жил с корректной надписью (не «Верховному правителю», а адмиралу и полярному исследователю) — да, это хорошо и исторично. И я сожалею, что в Петербурге ее сняли, выполняя решение суда.

Памятник, неважно здесь или там, — это же не надгробный памятник. Потому что, к сожалению, и могилы-то нет — это я про Иркутск говорю. Но у вас есть этот замечательный дом, есть мемориальная доска на нём. Есть мемориальный кабинет. Что еще нужно?

— **Одной из ключевых исторических фигур Ваших исследований является Михаил Тухачевский [8], выдающийся участник Гражданской войны в России, кстати, победитель Колчака. Войска, действовавшие под его командованием, захватили столицу белой России — Омск. В нашем городе есть набережная, с советских времен носящая его имя. Однако в современном историческом и общественно-политическом дискурсе его критикуют за действия при подавлении антибольшевистского восстания на Тамбовщине в 1921 г. Ваш взгляд, как сегодняшнее общество должно воспринимать эти факты из биографии Тухачевского и как в современной России должна быть увековечена память о «красном маршале»?**

— Критикуют. И правильно. Тухачевский — отнюдь не гуманист. Убежденный большевик, вступивший в партию в марте 1918 г. Для меня, например, куда более жестокой характеристикой Тухачевского является то, что он потопил в крови Кронштадтский мятеж, не пожалев ни мирное население, ни тех, кто там был. Но Тухачевский — очень яркая личность. По яркости, между прочим, Колчаку не уступающая. Тухачевский был отнюдь не единственный, а один из тысяч, не сотен, а тысяч царских офицеров, перешедших к красным, очень успешно воевавших. Создававших Красную армию. Я нашла, меня интересовал этот вопрос, все наградные листы шести орденов в Российском государственном военно-историческом архиве, которые он, во время Первой мировой, получил за полгода. Хочу подчеркнуть, это не представления к орденам, это наградные листы, а значит, награды были получены. Это очень редкий случай за полгода войны. Он попал в немецкий плен, откуда бежал с четвертой попытки. Шарль де Голль, кстати, они в плену сдружились, бежал трижды, Тухачевский — четырежды. Я как раз не сторонник мнения о том, что он пришел к большевикам из карьерных соображений: тогда их власть казалась «еще более временной, чем Временное правительство». Скорее — из авантюризма и жестокого максимализма. Это был риск, риск молодого человека, и он рискнул. Да, он хотел сделать карьеру — плох тот солдат, который не хочет стать генералом, плох тот поручик, который не хочет быть маршалом. Он сделал блестящую карьеру еще во время Гражданской — помимо Колчака, он одержал победу над Деникиным,

Красновым и др. Поражение — правда, фатальное — было только одно, в Польше, в 1920 г. Кстати, об исторической памяти. Мне, например, очень нравится: у вас есть «дом Колчака» и набережная Тухачевского. Это очень исторично, на мой взгляд.

— **Но, получается, такой человек мог помышлять о военном заговоре и стать советским Наполеоном? Я говорю о ситуации 1937 года.**

— Вы знаете, в таком случае, как говорила известная героиня: «Надо работать в бюро прогнозов». Я — не гадалка. Каждый что-то может. Никаких доказательств того, что маршал Тухачевский был оппозиционером или замыслил госпереворот, нет. Их, даже косвенных, нет, в том числе в архивном следственном деле, которое я изучила в Центральном архиве ФСБ, других российских и немецких архивах. И могу сказать обратное: есть документы, свидетельствующие о том, что Тухачевский был и оставался классическим и жестким советским милитаристом. Да, он имел, безусловно, конфликт с наркомом обороны Климентом Ворошиловым будучи его заместителем. Конфликт, который неизбежен между профессионалом, образованным человеком и малограмотным дилетантом. Он имел и серьезные расхождения и с теми представителями советской военной элиты, которые небезосновательно были против резкой модернизации армии и кардинального изменения советской военной доктрины. Но к середине 30-х годов доминантой было не это, а отношения с Германией, где к власти пришел Гитлер. Тухачевский в тот период уже давно был категорическим противником сближения. Особенно это контрастно вырисовывается при сравнении с документами, связанными с сильным сближением с Германией в 20-х годах. Тогда Тухачевский был протагонистом этого сближения. Он был куратором части совместных военных (секретных, конечно) предприятий, созданных в нашей стране совместно с немцами, которым было запрещено их иметь по Версальскому договору. Естественно, что курировали такие военные объекты (это летная школа под Липецком, танковая школа под Казанью и многие другие) высокопоставленные военные, получившие, дореволюционное образование. Именно потому он отлично понимал, имея профессиональные контакты с немецкими военными, анализируя ситуацию в вермахте в середине 30-х, что от Германии надо дистанцироваться, против нее надо вооружаться. У Сталина была иная точка зрения. Колоритный пример: статью Тухачевского, написанную для «Правды» в 1935 г., лично Сталин (оригинал его правки сохранился) правил, смягчая наиболее внятные антигитлеровские формулировки. Даже название поменял, у Тухачевского она называлась «Военные планы Гитлера», а Сталин поставил «Военные планы Германии». Безусловно, для Сталина и его окружения была иерархия, пирамида даже: Сталин один, а вокруг него все остальные. Для Сталина человек, мыслящий не так, как он, позволяющий себе говорить об этом вслух, — априори оппозиционер, враг. Тем более казался ему, никому не доверявшему, опасным — и лично для него самого — военный, имевший высокий авторитет в армейской среде. Потому и репрессии, последовавшие после расстрела маршала и других фигурантов «Дела о военно-фашистском заговоре в РККА» были столь массовыми. И столь катастрофическими для состояния Вооруженных сил... Люди, думавшие не так, как

он, конечно, были советскими, они были большевиками — милитаристами, но они думали не так, как он. И он прекрасно понимал, что они его сильнее либо интеллектуально, либо, тем более, такие «люди с ружьем». И Сталин очень четко об этом говорит, я нашла эти документы в архиве. Это материалы Военных советов при Наркомате обороны, прошедших в 1938 г. Сталин чеканит — неважно, какой вы полководец, но, если вы будете служить партии (заметьте, не армии, а партии), народ вас заметит, вы станете маршалом. А какой бы вы ни были маршал, если вы выступаете против, тогда народ вас сметет, как это мы сделали вот с такими...

Кстати, в 1938 году Сталин понял, что это была ошибка, что перестарались. И это тоже видно по документам, когда ему на другом Военном совете, говорят, что у нас дивизиями командуют капитаны и что за год нельзя их подучить (это Дыбенко говорит, его тоже расстреляли, чуть позже, в 1938-м), Сталин сквозь зубы, но соглашается. И репрессировать начинают уже тех, кто «перестарался»... Маршалы Жуков и Василевский позднее практически прямым текстом писали, что, если бы не было 1937-го, то могло бы не быть такого в 1941-м.

— Интерес к истории в обществе сегодня заметно активизировался в условиях борьбы западных и традиционалистских взглядов внутри правящей элиты, когда государственная политика привела к резкому сокращению преподавания истории в вузах, к падению качества даваемых в школе исторических знаний [9, 10]. Как бы Вы оценили состояние исторического сознания современного российского общества и каковы задачи профессиональных историков сегодня?

— Это очень хороший вопрос, очень трудный. Я как историк, преподающий на истфаке педагогического университета, могу сказать, что меня очень тревожит, что в течение последних лет история стала очень политизированной. Эта наука снова в группе риска. Она опять зависима от идеологии. И преподавание истории может быть под угрозой в этом смысле. Что очень опасно — тогда мы вернемся к советскому времени, к какому-нибудь, условно говоря, «краткому курсу», а это очень плохо для исторического сознания, и, как мы с вами уже знаем, в том числе и на опыте рубежа тысячелетий, — это бумеранг.

Человек, не знающий своей истории, а считающий, что ее можно подменить удобными кому-то теориями, неизбежно наступает на исторические грабли. Это почти закон физики. Вы знаете, историю нельзя переписать, ею нельзя управлять. Её нельзя откорректировать, её можно только изучать. Я — категорический противник очень модного тезиса, в том числе в последние годы: «Не надо переписывать историю». Что значит переписывать? Историю невозможно переписать, её можно дописать. Мы с вами хорошо знаем, как работают архивы, и историки-архивисты, и историки, которые приходят в архив. Мы можем изучить сто документов, неважно, Тухачевский это или Колчак, и найдем сто первый после этих ста, который в самом прямом смысле опровергнет то, что мы наработали, или то, что, казалось, до конца изучено. Каждый из нас может это подтвердить. Из своего опыта я могу привести кучу примеров, которые доказывают это на эмпирическом уровне. Поэтому, чем больше будут открыты архивы, чем больше история

будет показываться, в том числе музейными средствами, чем больше будет, как ни парадоксальным может показаться, разных точек зрения на одно и то же историческое событие, тем лучше!

— Благодарю Вас за интервью!

Беседовал Д. И. Петин

Примечания

¹Центр изучения истории Гражданской войны — выставочная и интеллектуальная площадка Исторического архива Омской области. Был открыт 13 января 2012 г. в бывшем особняке К. А. Батюшкина, где с 15 декабря 1918 по 12 ноября 1919 гг. располагалась Личная резиденция Верховного правителя адмирала А. В. Колчака [11–13].

Библиографический список

1. Петин Д. И., Симонова И. А. История освоения Арктики в просветительских проектах: опыт Омского региона (2018) // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 4. С. 53–60. DOI: 10.31806/2542-1158-2018-2-4-53-60.
2. Кантор Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России 1941–1945. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с. ISBN 978-5-8243-2198-2.
3. Чекалина А. А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
4. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
5. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
6. Алексеева О. А., Журавлев Е. Н., Сушко А. В. Рецензия: «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. — 1920-е гг.)» — Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.
7. Кантор Ю. З., Чернявский С. В., Дыдыкин А. Н. «Адмирал»: Энциклопедия фильма. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2008. 119 с. ISBN 978-5-367-00841-8.
8. Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: ИД Огонек, Время, 2005. 576 с. ISBN 5-89947-007-0.
9. Сушко А. В. К вопросу о негативном влиянии современных организационно-педагогических условий на преподавание истории России (размышления к Первому всероссийскому съезду преподавателей истории в вузах России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 76–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-76-81.
10. Рычков А. В. Какую историю следует изучать в вузе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 82–85. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-82-85.
11. Лосунов А. М. Омский адрес Верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 211 с. ISBN 978-5-904947-29-3.
12. Петин Д. И., Коновалова Н. А. Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12–13 ноября 2014 г. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.
13. Петин Д. И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 25–26 октября 2017 г. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 263–271.

КАНТОР Юлия Зораховна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва; профессор кафедры «Всеобщая история» РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 3138-6726
AuthorID (РИНЦ): 337025
Адрес для переписки: juliakantor@yandex.ru

Для цитирования

Кантор Ю. З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15.

Статья поступила в редакцию 28.12.2018 г.
© Ю. З. Кантор

UDC 947+908
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15

YU. Z. KANTOR

**Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia**

«THE HISTORY CANNOT BE REWRITTEN, IT CAN BE ADDED ...»

Yulia Zorakhovna Kantor St. Petersburg historian, doctor of historical sciences, museologist and journalist, well-known expert on the history of international relations on the eve and during the Second World War, the author of the most complete and well-known biography of the red marshal M. N. Tukhachevsky. The interview was given by Yu. Z. Kantor to the member of the editorial board of the journal *Omsk Scientific Bulletin. Series «Society. History. Modernity»* D. I. Petin on August 13, 2018 in Omsk, in the Centre of Study the Civil War. It is dedicated to a wide range of current problems in the history of Russia: the development of the Arctic and museum business, international relations on the eve of the Second World War, the Civil War in Russia and the personalities of M. N. Tukhachevsky and A. V. Kolchak. The interview was finally edited by Yu. Z. Kantor in St. Petersburg in December 2018.

Keywords: Russian Civil War, White Siberia, Omsk, A. V. Kolchak, M. N. Tukhachevsky, archives, museums.

References

1. Petin D. I., Simonova I. L. Istoriya osvoyeniya Arktiki v prosvetitel'skikh proyektakh: opyt Omskogo regiona (2018) [History of the Arctic in educational projects: the experience of the Omsk region (2018)] // Severnyye arkhivy i Ekspeditsii. *North Archives and Expeditions*. 2018. Vol. 2, no. 4. P. 53–60. DOI: 10.31806/2542-1158-2018-2-4-53-60. (In Russ.).

2. Kantor Yu. Z. Nevidimyy front. Muzei Rossii 1941–1945 [Invisible Front. Museums of Russia 1941–1945]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 334 p. ISBN 978-5-8243-2198-2. (In Russ.).

3. Chekalina L. A. Tsentr izucheniya istorii kak innovatsionnaya forma arkhivnoy deyatel'nosti [Center for the Study of History as an innovative form of archival activity] // Vestnik VNIIDAD. *Vestnik VNIIDAD*. 2018. No. 1. P. 119–125. (In Russ.).

4. Petin D. I., Stelmak M. M. Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniyu sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoj vojne v Rossii [Modern perception of the civil war: pedagogy as overcoming myths in mass consciousness] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История.

Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2018. No. 3. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15. (In Russ.).

5. Petin D. I. Nikolay Batyushkin: biograficheskiye istochniki v rekonstruktsii zhiznennogo puti kharbinskogo beloemigranta [Nicolai Batyushkin: Biographical sources to reconstruct of the life a Harbin white émigré] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2016. No. 2. P. 249–282. (In Russ.).

6. Alekseyeva O. A., Zhuravlev E. N., Sushko A. V. Retsenziya: «Belyye ofitsery — krasnaya vlast'»: imennoy ukazatel' k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. — 1920-e gg.) — Omsk, «Amfora», 2017 [Review of the publication «White officers — Red power»: a Nominal Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919–1920s) — Omsk, «Amphora», 2017] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *North Archives and Expeditions*. 2018. Vol. 2, no. 3. P. 44–55. (In Russ.).

7. Kantor Yu. Z., Chernyavskiy S. V., Dydykin A. N. «Admiral'»: Entsiklopediya fil'ma. [«Admiral»: Encyclopedia of the film]. St. Petersburg: Amfora, TID Amfora Publ., 2008. 119 p. ISBN 978-5-367-00841-8. (In Russ.).

8. Kantor Yu. Z. *Voyna i mir Mikhaila Tukhachevskogo* [The war and peace of Mikhail Tukhachevsky]. Moscow: ID Ogonek, Vremya Publ., 2005. 576 p. ISBN 5-89947-007-0. (In Russ.).
9. Sushko A. V. K voprosu o negativnom vliyaniy sovremennykh organizatsionno-pedagogicheskikh usloviy na prepodavaniye istorii Rossii (razmyshleniya k pervomu vsrossiyskomu syezdu prepodavateley istorii v vuzakh Rossii) [On issue of negative impact of modern organizational and pedagogical conditions on teaching of Russian history (reflections on the first all-russian congress of history teachers in Russian universities)] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 1. P. 76–81. DOI: 10.25206 / 2542-0488-2018-1-76-81. (In Russ.).
10. Rychkov A. V. Kakuyu istoriyu sleduyet izuchat' v vuze [What kind of history to study at university] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 1. P. 82–85. DOI: 10.25206 / 2542-0488-2018-1-82-85. (In Russ.).
11. Losunov A. M. *Omskiy adres Verkhovnogo pravatelya* [Omsk address of the Supreme ruler]. Omsk: Amfora Publ., 2011. 211 p. ISBN 978-5-904947-29-3. (In Russ.).
12. Petin D. I., Konovalova N. A. Kapiton Batiushkin: dopolnyaya istoricheskiy portret [Kapiton Batiushkin: complementing the historical portrait] // *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyeye. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyeye*. Omsk: Amfora Publ., 2015. P. 118–125. (In Russ.).
13. Petin D. I. Genealogiya omskoy sem'i Batiushkinykh v svete ocherednykh arkhivnykh nakhodok [Genealogy of the Omsk family of Batiushkin in the light of the next archival findings] // *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyeye. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyeye*. Omsk: OmSTU Publ., 2017. P. 263–271. (In Russ.).

KANTOR Yuliya Zorakhovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the World History of the Russian Academy of Sciences Institute, Moscow; Professor of National History Department of the Russian State Pedagogical University them. A. I. Herzen, St. Petersburg.
SPIN-code: 3138-6726
AuthorID (RSCI): 337025
Address for correspondence: juliakantor@yandex.ru

For citation

Kantor Yu. Z. «The history cannot be rewritten, it can be added ...» // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 1. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15.

Received 28 December 2018.

© Yu. Z. Kantor